

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА.

1927 года января дня.

ИСХ. №

3

Настоящим подтверждаю получение от Вас пятнадцати /15/ копеек, прилагаю при сем на Ваше рассмотрение переписку о борьбе с бюрократизмом на 12 страницах.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Упомянутое.

КРОКОДИЛ

ДЕЛО

№ 3

О борьбе с бюрократизмом

начато *давным* 1927 г.

кончено ? *нет! Нет!! Нет!!!*

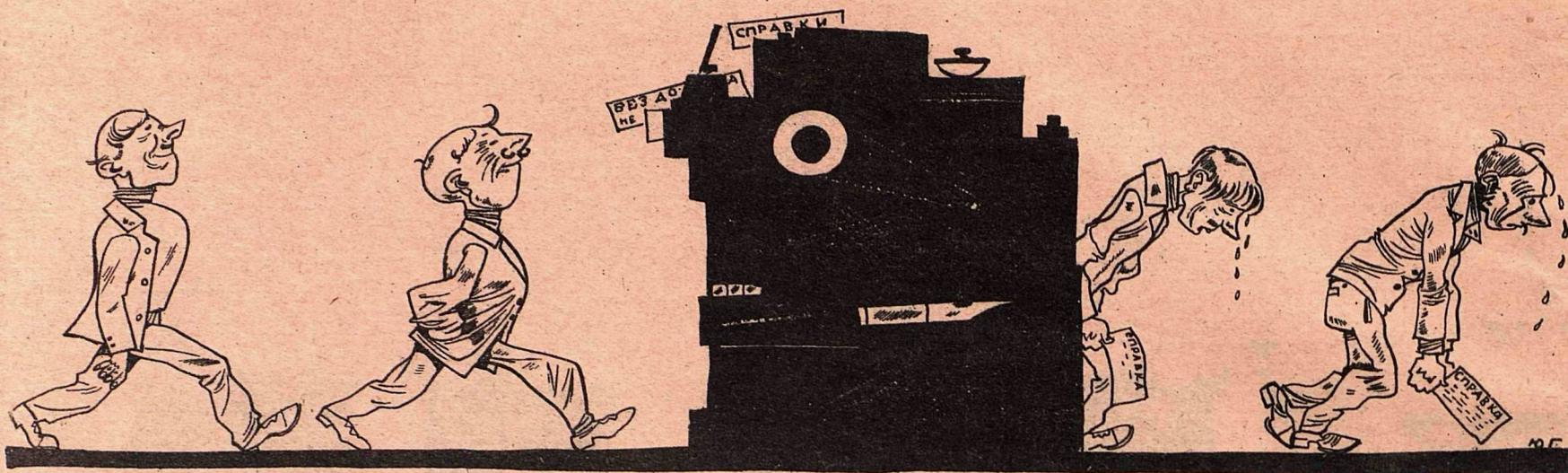
на *12* страницах **ЛИСТАХ**

но-
диз.
стве
ий на-
и вели-
иное
сирас не-
отношений
присовокуп
онный прото-
ч/о.

К 556/6

Рис. Ю. Г.

ВХОДЯЩИЕ

И

ИСХОДЯЩИЕ

МОЯ СИСТЕМА

Бюрократизм — и позор, и несчастье. Никому не следует заражаться этой дурной болезнью.

Я долго стоял во главе одного советского учреждения — и все-таки не заразился.

Мой зам был бюрократам. Управдел, секретари, завхоз и начканц были отъявленными бюрократами. И даже предместкома, активист и общественник, избранный единогласно при одном воздержавшемся, начал покрываться густым налетом бюрократизма.

Но меня зараза не коснулась.

Мало того: своею умелой и решительной рукою я почти искоренил бюрократизм в пределах вверенного мне учреждения.

Молодым, неопытным, начинающим замам да будет мой пример полезным уроком!

Бойну с бюрократизмом, раз'едавшим наше учреждение, я начал, конечно, с мелочей.

Никогда не пренебрегайте мелочами, товарищи!

Что может быть мельче точки, — обыкновенной чернильной точки на входящей или исходящей бумажке?

А между тем, эта ничтожная мелочь приобретает иногда первенствующее, решающее значение.

Учитывая значение мелочей, я пригласил к себе нашего завфинотделом (бюрократ, каких мало) и сообщил ему:

— Вот в чем дело, товарищ... Бывает, что наши мелкие служащие и рабочие обращаются с денежными просьбами непосредственно ко мне. Насчет авансов там, или каких-нибудь невыплаченных сверхурочных...

— Непорядок, конечно. Будьте спокойны: сегодня же примем меры-с! — выпалил этот, насвободу пропитанный бюрократизмом, тип.

Но я сказал:

— Нет, нет, товарищ, никаких мер! Мой кабинет всегда доступен и для служащих, и, тем более, для рабочих: не бюрократ же я, в самом деле! Но тут вот какая история... Неудобно, знаете, отказывать в просьбах, но нельзя же и всегда соглашаться...

— Еще бы-с. Этому народу только палец дай в рот! — возмутился завфинотделом. — Сладу не будет, если вы...

— Подождите. Отказывать, все-таки, неудобно. В таких случаях я всегда пишу на заявлениях: «не возражаю» или «прошу удовлетворить»...

— Но... Как же, собственно-с?! — испугался завфинотделом.

— Извиняюсь, но я не кончил, — сухо остановил его я. — Я вот зачем вас позвал и вот что прошу иметь в виду: после своей подписи я обыкновенно не ставлю точки. Если же после «прошу удовлетворить» и подписи будет стоять точка, — значит, удовлетворять не надо. Поняли? Завфинотделом понял.

Поняли и мой зам, и управдел, и даже предместкома, когда я изложил им, — каждому в отдельности, — приблизительно то же самое.

Мало того: они поняли, что им тоже не следует быть бюрократами.

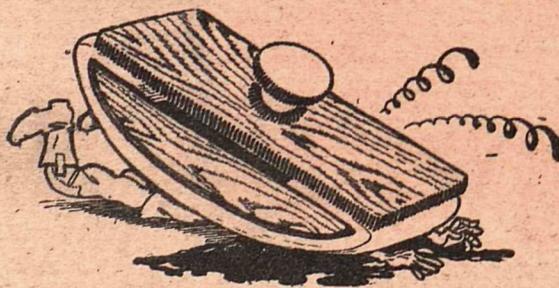
Управдел, например, он раньше славился своим бюрократическим отношением к посетителям и просителям.

Про него говорили:

— Конечно, уж должность его такая, но все-таки... И не пробьешься к нему никак, а пробьешься — тоже толку немного. То говорит — «заявление не по форме», то — «не его дело», то — «зайдите через неделю», то — «небогда мне о пустяках разговаривать!».. И как только таких идолов на службе держат?

Теперь управдел изменился до неузнаваемости.

Дощечку «Без доклада не входить» он велел снять с двери своего кабинета и уничтожить. Посетителей и просителей стал допускать к себе даже по окончании часов приема. Научился обращаться с ними любезно, предупредительно, — и, случалось, даже не дослушав до конца просьбы, выводил на заявления четкую надпись:

«Тов. зав. столом личсостава. Всемерно поддерживаю и прошу удовлетворить незамедлительно»

И не только сам он изменился, — изменилась даже его подпись. Прежде он подписывался безо всяких росчерков, просто и отчетливо: «Грымзин». А теперь привык заканчивать последнюю букву какою-то завитушкой с длинным концом.

Такие же, примерно, перемены произошли и с замом, и с начканцем, и с главбухом, и даже с предместкома. Все они решительно отказались от своих бюрократических замашек и, взамен этого, привыкли расписываться с какими-то особенными выкрутасами.

Чем бы дитя ни тешилось!..

Так изжил я — личным примером — бюрократизм среди высших служащих вверенного мне учреждения.

К сожалению, среди низших он все-таки сохранился.

Приходит, например, посетитель к кассиру или к техсекретарю, — приходит с заявлением, снабженным всеми необходимыми резолюциями, подписями, точками и закорючками, — а кассир или техсекретарь посмотрит, прочтет и заявит:

— Не могу, товарищ, ничего не могу сделать! Зайдите недельки через две...

— Но позвольте... Тут же и сам наложил резолюцию, и управдел, и главбух!

— Мало ли что они наложат! А известно им, что сейчас в кассе — ни копейки: только что последний червонец отдали? Приди вы на полчаса раньше!..

— Но, товарищ...

— Прошу не мешать, гражданин, я тоже тут не без дела сижу. Зайдите, говорю, в конце месяца!

Сознаюсь откровенно: целиком и полностью искоренить бюрократизм мне, как видите, не удалось. В среде низших, малокультурных чинуш остались от него какие-то корешки и ростки.

Но, в конце-концов, что такое — низший или даже средний служащий?

Если будут жалобы на него, — можно, ведь, его и свергнуть, или переместить на другую должность...

Грамен.

— Почему вы не женаты до сих пор, Павел Ефимович?

Павел Ефимович вздохнул и немедленно ответил:

— Получив ваш почтенный запрос от сего числа без номера, по существу последнего сообщаю нижеследующее: женщина, не состоящая на советской службе или же вообще во время внеслужебное, — существо малокультурное и легкомысленное!

Выдержав краткую паузу, Павел Ефимович продолжал:

— 7-го декабря 1926 года, находясь на музыкальном вечере, имевшем место согласно выработанной местным комитетом рабочих и совторгслужащих нашего учреждения повестью дня после общего собрания названных, мною была замечена особа женского пола, около двадцати двух лет возрастом, блондинка, нос прямой, глаза голубые, на щеке родинка, особых примет нет, в общем и среднем — привлекательная. Подойдя к оной, я сказал с поклоном:

— Пролетарии всех стран, соединяйтесь, эр-эс-эф-эс-эр, ве-эс-эп-ха, трест возжи-корыто, отдел общий, часть канцелярия, отделение делопроизводство, номер один дробь эль, декабря 7 дня 1926 года город Москва. Настоящим имею честь просить вашего сообщения, — имеете ли вы удостоверение на право ношения оружия? Заведующий Антохин.

Особа без даты и номера воскликнула:

— Что такое?!

Я вежливо и без волокиты ответил:

— На ваш почтенный запрос номер один от сего числа (исправляя допущенную названной особой ошибку!), честь имею сообщить, что мною, нижеподписавшимся, в отношении за номером первым дробь эль от сего числа изложено желание стать вам знакомым через перечисление учреждения, должности и фамилии, согласно установленного бланка. Что же касается до содержащегося в вышесказанном отношении запроса, то сообщаю, что под оружием в данном случае надлежит разуметь ваши прелестные глазки, коими вы стреляете, как автоматическим пистолетом, в мою грудь навывлет. Номер два дробь эль. К сему — Антохин.

Адресат всплеснул руками и воскликнул неуместно:

— Да вы сумасшедший какой-то!!!

Я быстро ответил:

— На ваше отношение номер два от сего числа. Возвращается, как ошибочно засланное. Номер три дробь эль, Антохин, Москва, 1926 года, декабря 7 дня.

Особа вскрикнула и отбежала. После сего я принял по отношению к вышеупомянутому вечеру положение исходящего, то-есть оный покинул, оставив вместе с тем и мечты об изменении гражданского состояния на женатое...

Вл. Павлов

ЩЕТКА

Пелагея Тыркова, натирая мочалкой пол того учреждения, в котором она служила уборщицей, сказала находившемуся здесь сторожу:

— Хоть бы щетку купили, позаботились. Только зря спину гнешь — то ли дело со щеткой!

— Дура ты, — покровительственно ответил сторож. — Сказала бы коменданту — давно бы купили...

Утром Пелагея встретила помощника коменданта:

— Щетку бы мне купили, — неуверенно сказала она.

— Какую щетку?

— Полы мыть... Жесткие такие щетки есть... На палке...

«Что за щетка такая полы мыть, — подумал помощник коменданта. — Ну, я понимаю — швабра. Ну — метла... А то что выдумала — щетку!»

— Щетка дело небольшое, — ответил он. — Только я за свой страх не могу. А вдруг отвечать придется? Спроси у коменданта!

Комендант выслушал Пелагею очень внимательно:

— Щетка? — переспросил он. — Вот, хорошо! Надо купить...

— Купите, товарищ комендант... Невелик расход...

— Ну, конечно, куплю... Гм... Только вот что — напишите мне бумажку, что, мол, нужна щетка... Порядок все-таки...

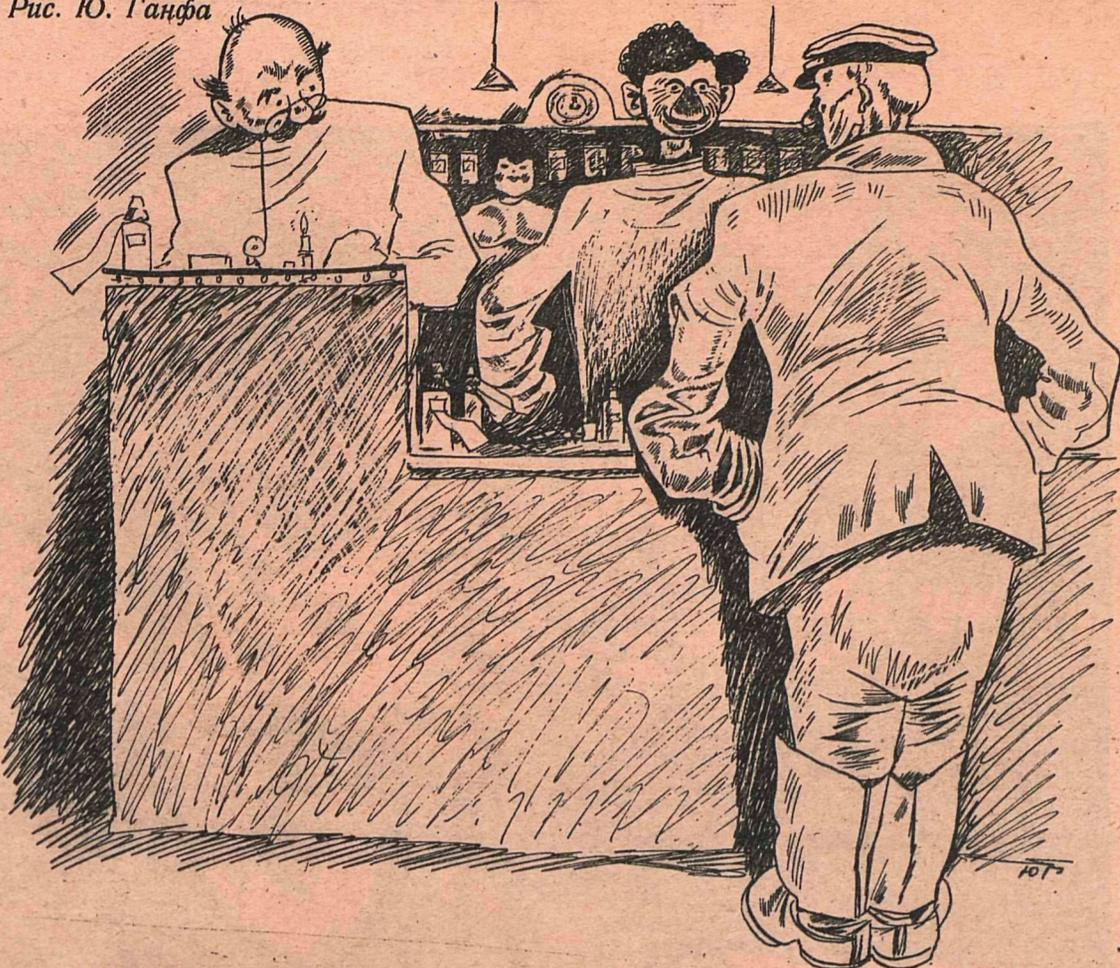
Бумажку написал сам комендант, а Пелагея только расписалась под ней крупными корявыми буквами и ушла.

Комендант отложил бумажку на край стола и задумался.

— Щетка, — подумал он. — Какой же это расход? Домоуправления? Нет! Пелагея моет прихожую и полы в канцелярии... Значит, это канцелярский расход... А к тому же — пол будто бы относится к самому дому и, следовательно, в моем ведении

— Нет, этот вопрос необходимо согласовать, — решил он. — Про-

Рис. Ю. Ганфа

КУРЬЕР: — Вот тут наш заведующий лекарство обратно прислал. В рецепте сказано — „принимать три раза в день“, а у него прием только раз в день от 2-х до 4-х. Велел переписать.

изведешь расход, а его и не утвердят, и тебе же нагорит. Тем более, нет у меня такой ассигновки — на щетки...

Он взял бумажку и побежал к управделами. Управдел брезгливо прикоснулся к бумажке:

— Уборщица? Сама написала? Я всегда говорил, что надо будить инициативу! Я это в докладе поставлю... «Даже уборщицы начинают понимать, что они работают в советской стране... Каждая курхарка...»

Управдел взял перо, и перо быстро запрыгало по бумаге.

— А как же со щеткой? — спросил комендант.

— Что? Щетка? — удивился управдел. — Щетка — расход, а я расходных документов не подписываю... И вообще не могу взять на свою ответственность... Сходите к бухгалтеру...

Бухгалтер достал смету и долго искал соответствующую графу: — Не предусмотрено, — ответил он, передавая бумажку коменданту.

— Пустяк — подпишите и все, — ответил комендант.

— А если пустяк — так подпишите вы... Зачем я отвечать буду?

Комендант замаялся.

— Не знаю... Как же я сам... Ответственность все-таки...

— А, ответственность, так и я не хочу отвечать... Из-за какой-то там щетки... Ну, ладно, доложу заведующему...

Заведующий только что окончил весьма неприятный разговор по телефону и был расстроен.

— Щетка? Накладной расход? — спросил он.

— Пустяк... Полтинник какой-нибудь...

— Сегодня щетка, завтра щетка, а послезавтра пылесос потребует... А полтинник или рубль — значения не имеет. Важен принцип.

— Впрочем, — закончил он, — я этот вопрос в общем масштабе на коллегии поставлю... Пусть она отвечает...

И, свалив в себя ответственность, успокоился.

Вопрос о щетке быстро пошел по инстанциям. Коллегия, наткнувшись на этот вопрос, даже не читав, отложила его:

— Связано с денежными ассигнованиями... Не предусмотрено сметой. Доложить в наркомат.

Вместе с другими бумажка, подписанная Пелагеей, поехала в наркомат. Теперь это была уже не бумажка, а целый вопрос: «об изменении сметного расписания расходов в связи...». С чем в связи — не интересно. Вероятно, в связи со щеткой.

— Ну, и головотяпы же, — сказали в наркомате. — Беспокоют такими пустяками... Сколько денег на переписку ухлопали...

И «вопрос об изменении сметного расписания» прибыл в учреждение с таким ответом:

— Делаем вам выговор за непроизводительную трату... Надемся, что впредь... В то время, когда борьба с бюрократизмом...

Одним словом, в ответе было все, что полагается.

Пелагея долго ждала ответа на свое заявление и, наконец, не вытерпела — спросила у коменданта:

— Щетка-то как же? Забыли?

— Забудешь ее, — злобно ответил комендант. — Целый скандал с этой щеткой! Выговор за нее получив!.. А тут еще покупай! Уходите вы с глаз долой со своей щеткой!

Мих. Козырев.

ДУША КАНЦЕЛЯРИИ

Рис. К. Елисева

— До чего бестолковый народ! Битых два часа ждут—и не догадаются спросить:—Есть ли нынче прием? А приема-то и нет!

БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ А.С. ПУШКИНА
1937

НАКАЗАННЫЙ БЮРОКРАТ

(Вроде сказки)

Шел бюрократ со службы домой. Усталый. Еще бы! Шесть часов, не стибаясь, бумаги подписывал. За шесть часов сколько народу не принял!

Шел бюрократ домой. Усталый. И захотелось ему очень есть.

— Дай,—думает,—заверну в столовую-пивную, чего-нибудь адакого перехвачу.

— Вам чего?—спрашивает у него официант.

— Сосиски с капустой да бутылочку пивка. Только скорей, а то мне некогда.

— Сейчас,—говорит официант. Поворачивается и уходит. Ждет бюрократ полчаса, час. Не несут ни сосисок, ни пива.

— Эй, скорей подавайте сюда заказанное!

— А вы,—говорит ему официант,—не кричите, а прежде, чем заказывать, сначала заявление в письменной форме напишите. Да не забудьте марочек гербовых наклеить. Я ваше заявление доложу в комиссии, комиссия рассмотрит, разрешит, и тогда,—пожалуйста, ждите. Вот вам бумага и чернила.

Рассердился бюрократ. Плюнул и выбежал пивной.

— Ну их к дьяволу с их комиссиями. Куплю на углу у торговки булку французскую. Подкреплюсь и ладно.

Подходит к старухе и спрашивает:

— Заверни-ка, тетка, мне булочку, да порумяней, да чтоб не черствая.

— А на что вам булочку?—шамкает старушонка.

— Есть.

— А удостоверение на право еды у вас имеется? А справка с места службы о получаемом окладе у вас имеется?

— Фу ты, ну ты,—выругался бюрократ и вскочил в трамвай.

— Дайте билет до заставы!

— Сначала,—говорит кондуктор,—на первой остановке слезьте, заполните анкету, сбегайте в домком заверьте, а потом приходите, садитесь и езжайте.

На полном ходу выскочил бюрократ из трамвая и побежал домой.

Еще калошки не успел скинуть, кричит взволнованным голосом жене:

— Скорей накрывай на стол! Есть! Помираю!!!

А жена хладнокровно отвечает:

— Приходите завтра.

Поворачивается и уходит.

— Как завтра? — взревел бюрократ и к сыну строго:

— Беги галсом за матерью. Пусть немедленно обед даст!

А малец юрк под стол и пищит оттуда:

— Товарищ, обратитесь к секретарю.

Тут бюрократ не выдержал и заплакал. Катится по лицу бюрократа, как горох, слезы чернильные, и сам с собой бюрократ рассуждает. Один голос говорит, жалючи:

— За что такое наказание? Почему ко мне такое бездушное отношение? Я есть хочу. Ведь человек же я? Человек?!

А другой голос, беспопный и серьезный, допрашивает:

— А удостоверение за надлежащим исходящим номером, соответствующими подписями и приложениям печати в том, что пред'явитель сего действительно есть человек, у вас имеется?

Вспомнил бюрократ, что у него нет такого удостоверения. Грохнулся на пол и помер.

А вы, граждане, его не жалейте. Хватит на ваш век бюрократов. Вполне!

Б. Левин.

БЕЗ ВОЛОКИТЫ

Когда грабители напали на одного кассира и стали отбирать у него деньги, кассир мудро изрек:

— Вот единственный случай, когда люди получают у меня деньги без всякой волокиты!

МНОГО БУМАГИ

Выписка из протокола Юрлинского районного партсобрания (Уральской обл.):

«Режим экономии понимался некоторыми товарищами так, что его можно проводить только на фабрике или на заводе, но, принявшись за дело, кое-чего и мы сделали в своем безиндустриальном округе. За последнее время проведено до 50 собраний по этому вопросу, практически же экономии еще провели мало».

Вот юрлинцы и доказали, что режим экономии можно проводить не только на фабриках и на заводах, но и на собраниях.

ИЗРЕЧЕНИЯ ГРАЖДАНИНА САВЕЛИЯ ОКТЯБРЕВА

(На манер пословиц)

На всякую букашку—подай бумажку.

★

Печать да чернила—большая сила.

★

Никто не поверит, что ты помер, пока не поставят исходящий номер.

★

Выйдет на улицу — родной брат, а в учреждении—бюрократ.

★

Бумажка в «Деле»—ходи три недели.

★

Не будь богат, а имей мандат.

В.—Л.—К.

БЕЗ ПЕРЕМЕН

Рис. М. Храповского

КРОКОДИЛ: — Как вам нравится подпись к этому рисунку: — «Сколько раз я вам говорил — приходите завтра, а вы всегда приходите сегодня!» Хорошо?

БЮРОКРАТ: — Д-да... Но этот рисунок и подпись я уже видел у вас в 1925 году. Неужели вы не могли сказать про нас что-нибудь новенькое?

КРОКОДИЛ: — А разве вы за два года хоть в чем-нибудь изменились? У вас-то, ведь, все по старенькому!

ПОПРАВКА ПО СУЩЕСТВУ

Рис. К. Е.

БЮРОКРАТ (показывая на № „Крокодила“):—Это что же такое? Так... Хорошо... „Дело о бюрократизме“. По форме, конечно, правильно, а по существу, ведь, издевательство!

КРОКОДИЛ:—Нет, дорогой товарищ! В данном случае—наоборот: по форме издевательство, а по существу—правильно.

ЖУТКАЯ ИСТОРИЯ

В некоем учреждении составляли годовой отчет. Бухгалтерия работала сорок дней и сорок сверхурочных ночей. Штаты раздувались не по дням, а по часам. Главный бухгалтер сбился с ног, а его помощник отбилась от рук. Вообще, работа кипела. Деревянные костяшки счетов загорались от быстрого и постоянного щелканья—и счета приходилось тут же списывать в расход по графе «амортизация инвентаря». Отчетные ведомости были так велики, что нужно было усаживать по пяти машинисток в ряд, чтобы печатать одну ведомость. Бумага подвозилась рулонами, чернила—бочками, перья—ящиками... Наконец, отчет был закончен. Бухгалтерия не ударила лицом в грязь. Отчет получился солидный и красивый, пудов на восемь весу. Отчет получился весьма ценный—его стоимость равнялась нескольким миллионам рублей. Словом, все было в порядке, как в любом уважающем себя учреждении. Главный бухгалтер уже начал подумывать о трехмесячном отпуске.

Но... тут явилась ревизия и заявила: «Отчет—правильный, но почему в отчете нет указаний, сколько денег израсходовано на самый отчет? Это—пробел, и его надо заполнить».

И снова заработала бухгалтерия, составляя отчет об отчете. Снова главный бухгалтер сбился с ног, снова раздулись штаты, снова зашелкали счета.

Отчет об отчете получился пудов на шесть, и ценность его равнялась двум миллионам рублей. Словом, все было сделано, как нельзя лучше. И даже помощник бухгалтера стал думать о трехмесячном отпуске.

Но... тут снова явилась ревизия. И, похваливши отчет, заявила: «В отчете об отчете есть только один существенный недостаток: тут не указано, во сколько же обошелся этот самый отчет об отчете». И снова заработала бухгалтерия.

И вновь пришла ревизия...

Теперь в учреждении составляют тринадцатый отчет о расходах, связанных с ранее бывшим двенадцатым. И называется он: «Отчет об отчете, об отчете».

И когда все это кончится—неизвестно.
Вас. Лебедев-Кумач.

ТОЧНАЯ СПРАВКА

— Товарищ дорогой! Как мне повидать Потапова, Сергея Степановича? Служит тут у вас... Приезжая я, из дому ему кое-какие вещишки привезла, — мать передать просила...

— Короче говорите, мне некогда! Ваша просьба сводится к тому, чтобы вам выдали справку о **служащем** Потапове? Так ли я вас понял, гражданка?!

— Так, так, товарищ дорогой! Только вот...

— Хорошо. Подайте заявление, вам ответят.

Гражданка вытаскала откуда-то кусочек бумажки и написала.

— Так! Сергей Потапов, **служащий**? Так-с! А ваш номер?!

— Нету у меня номерка, товарищ! Швейцар так взял вещи, а номерка не дал. Я, говорит, и так, говорит, найду, иди, говорит, бабушка наверх...

— Гражданка, я не про тот номер у вас спрашиваю! Ваш исходящий номер мне нужен! Понимаете?!

— Нету, товарищ дорогой... И такого нет...

Делопроизводитель пожал плечами:

— Как же мы будем при ответе сослаться на ваш номер? Сгранно даже!!! Ну, ладно, уж! Вайдите завтра в это же время!!!

— Товарищ дорогой, я же проездом! Мне вот только вещи бы отдать Сергею-то, я бы и поехала, товарищ... Сделайте милость!!

Делопроизводитель вздохнул, еще раз пожал плечами, укоризненно покачал головой и прошел в стол личного состава. Через минуту вернулся и подал женщине ее бумажку:

— Вот-с! **Служащего** Потапова в нашем учреждении нет!

— Как же так, товарищ дорогой?! У меня же записано: и адрес, и все... Может уволили?!

— Гражданка, я вам русским языком говорю,—**служащего** Потапова в нашем учреждении нет и не было! И прошу мне не мешать, — я занят!

Женщина сокрушенно покачала головой, надвинула на брови платок, поклонилась и вышла. Делопроизводитель лениво потянулся, закурил папиросу и сказал помощнику секретаря:

— До чего же, Василь Палыч, народ пошел невежественный! Прямо бестолочь деревенская, — ни номера у них, ни соображения! Ведь, и нужен-то был ей наш истопник Сергей Потапов, — так нет! Спрашивает **служащего** Потапова! Какой же он служащий Потапов, если он истопник? Рабочий он, а не служащий! Спросил она рабочего Потапова, я бы и в личный стол не ходил, не мотался бы зря! Но раз спрашивает служащего, — я обязан официально сообщить, что служащих таких нет и не было! Ну, и бестолочь!!!

Иванчук

Рис. Ив. Малютина П О Ф О Р М Е

— Что за безобразие! Я буду жаловаться на ваше отношение к посетителям.

— Не забудьте, в таком случае, сослаться на номер нашего отношения!

ШШШТГА ШШШТГЕ

РАБОЧУЮ ГАЗЕТУ и ее журналы

открыта подписка на 1926 год

„РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“ ВЫХОДИТ В СЕМИ ИЗДАНИЯХ

1-Е ИЗДАНИЕ
„РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“

60 КОП.
В МЕС.

2-Е ИЗДАНИЕ
„РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“
„КРОКОДИЛ“

1 РУБ. 10 КОП.
В МЕС.

3-Е ИЗДАНИЕ
„РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“
„ХОЧУ ВСЕ ЗНАТЬ“

90 КОП.
В МЕС.

4-Е ИЗДАНИЕ
„РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“
„РАБОТНИЦА“

90 КОП.
В МЕС.

5-Е ИЗДАНИЕ
„РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“
„КРОКОДИЛ“
„ХОЧУ ВСЕ ЗНАТЬ“

1 РУБ. 40 КОП.
В МЕС.

6-Е ИЗДАНИЕ
„РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“
„КРОКОДИЛ“
„РАБОТНИЦА“

1 РУБ. 40 КОП.
В МЕС.

7-Е ИЗДАНИЕ
„РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“
„КРОКОДИЛ“
„РАБОТНИЦА“
„ХОЧУ ВСЕ ЗНАТЬ“

1 РУБ. 70 КОП.
В МЕС.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“, МОСКВА, СУЩЕВСКИЙ ВАЛ, Д. № 63.

БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ ЛОХАНКА

КАК ОНИ РАБОТАЮТ

Чего больше всего боится бюрократ? Мы считаем, что больше всего он боится живого дела. От живого дела бюрократ всячески отгораживается докладами, отчетами, потоками словопрений, реками заседаний. Как вам, например, нравится «Повестка дня» назначенного на 13 декабря 1926 г. заседания фракции профсекретариата Ейского района. Полюбуйтесь.

Повестка дня:

- Доклад о работе Райкома Рабис (Войнаровский) и содоклад по обследованию.
- Доклад ЕГО о его работе (Добрынин).
- О фонде зарплаты (Храмов).
- О состоянии промышленности Ейского района (Яглов и Игнатенко).

О перезаключении колдоговоров (Иванов).
О погрузочно-разгрузочных работах в Ейском районе (Моспогруз, Совторгфлот, Поко-транс, Хлебпродукт, Местран).

Об организации паевого товарищества Нарпит (Добрынин).

Об организации рабочего театра.

О регулярных клубных совещаниях при Культотделе Ейпрофсекретариата (Семина).

Доклад о клубной работе за ноябрь (Леопольдов).

О вовлечении членов союзов в члены клубов и о составе нового правления клуба (Герасимов, Корнильев).

Месячная смета по содержанию Партпрофклуба (Семина).

Смета по физкультуре (Бондаренко).

О посредбюро (Герасимов).

О недоговоренности между Райкомами Пищевиков и Строителей по взиманию членских взносов работников, работаю-

щих в предприятиях, находящихся в переоборудовании (Комов и Ильин).

Об обследовании касс взаимопомощи.
О передаче союзу Землес союзных групп на селе численностью до 25 ч.

О проведении конференции и совещания.

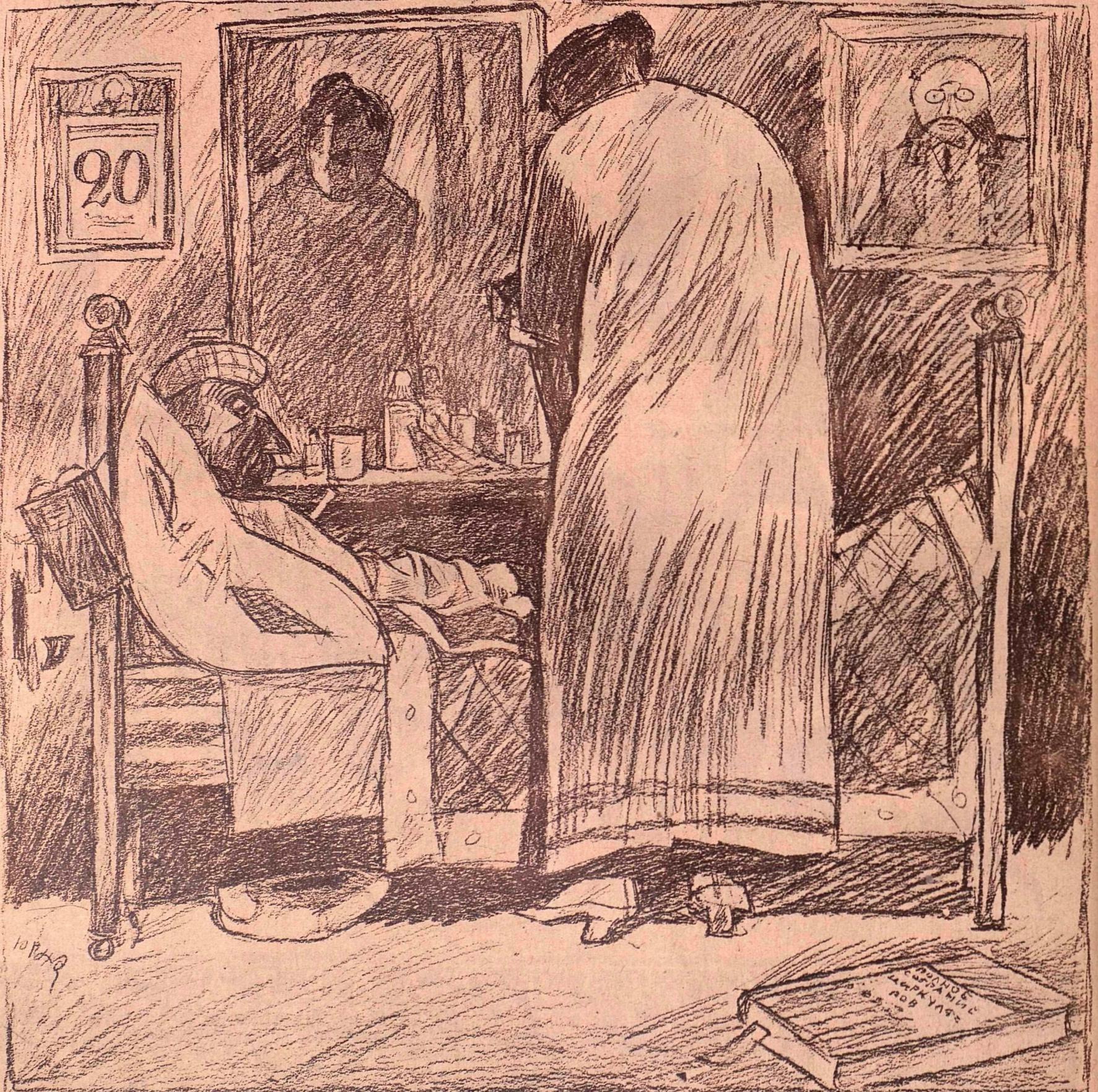
Об культотчислении союзом Рабпроса.
Выделение представителя в Ревкомиссию (Герасимов).

Выделение представителя в комиссию по перевыборам сельсоветов (Герасимов).
Выделение представителя в страховое совещание (Курин).

Об имуществе Дворца Труда и его оценке
Изо всей этой повестки мы оставили бы только один пункт об имуществе Дворца Труда, так как по этому пункту у нас есть вполне деловое и практическое предложение, а именно: пополнить его хорошей, толстой и крепкой палкой, которой время от времени и воздействовать на профтрепачей. Может, подействует?

Рис. Ю. Ганфа

СМЕРТЕЛЬНАЯ ВОЛОКИТА

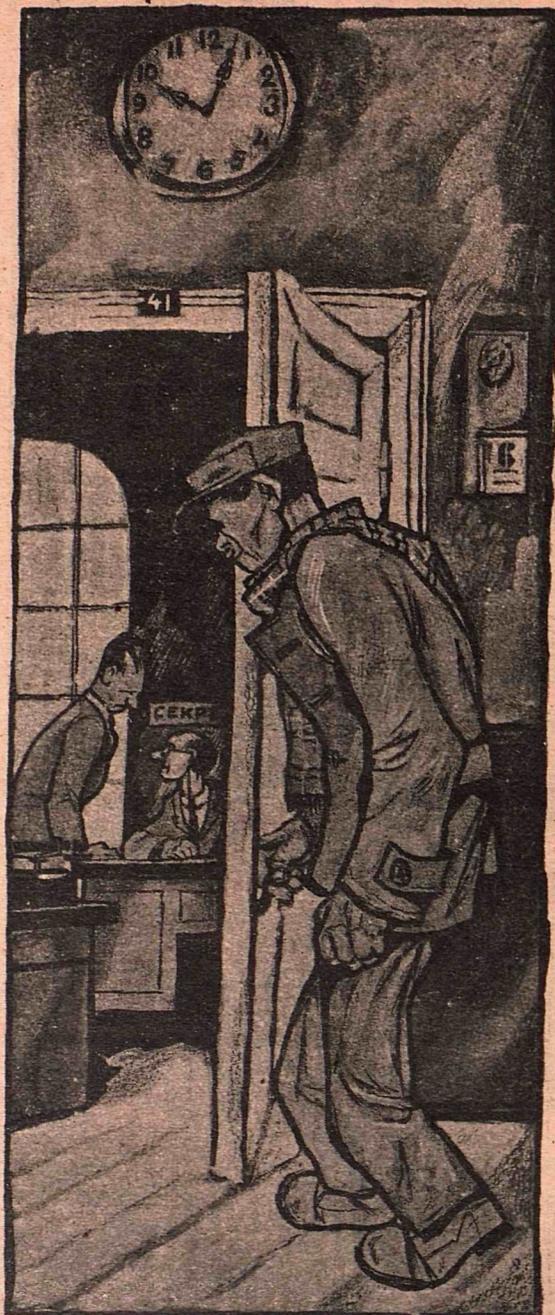
ЖЕНА: —Ох, Петр Иванович,—видно, смерть твоя пришла.
МУЖ: —Пришла?.. Пусть обратится к секретарю,—я занят!..

НЕ В ПЕРВОЙ

Рис. Ив. Малютина

КРЕСТЬЯНЕ:—Что же это? Выходит, за зря нашу деревню вызвали?
СЛУЖАЩИЙ ВК'а:—Ничего, ребята, не поделаешь! Секретарь в бумажке описался—не переписывать же из-за вас... Ну,—послезавтра приедете! Страсть делов-то!

В 10 часов и 3 минуты слесарь Захаров зашел по делу в учреждение. И что же?

ВИЛЫ В БОК

ДЕЛА АССЕНИЗАЦИОННЫЕ

Рабкор Жилец возлагает свои последние надежды на «Крокодила»:

Помоги, дорогой «Крокодилушка»! В нашем городе Сталине (Донбасс) выстроили рабочий поселок в 25 домов, а местхоз поблизости поселка устроил свалку нечистот. В местной газете «Диктатура Труда» мы писали, да толку не получилось.

Какая же это «Диктатура Труда», если не может она справиться с местхозовскими бюрократами? Или она руководствуется правилом: «не трожь... местхоз, он и не благоухает»?

БЛАГОДЕТЕЛИ

Если бюрократа посадить на живое дело, то он так будет пещись о пользе населения!

Думали, думали кооператоры «Красного Железнодорожника» (Тверской губ.), чем бы им отличиться, да и выдумали открыть широкий рабочий кредит на водку: Так и сделали. Теперь каждый день у «Красного Железнодорожника» очереди, а пьянство идет во всю.

В награду за изобретательность предлагаем переименовать «Красный Железнодорожник» в «Красный нос железнодорожника». Оно и истине соответствует.

В ЗАЩИТУ БЮРОКРАТИЗМА

(Письмо в редакцию).

Принимая во внимание ваше желание вести борьбу с бюрократизмом, изложенное в настоящем номере журнала, имею честь ходатайствовать о предоставлении мне возможности высказаться против намеченного вами мероприятия.

В ответ на ваше нелюбезное к нам отношение я считаю своим долгом изложить ниже следующее.

В связи с развитием научных данных, установлено, что личному составу населения нашей планеты весьма свойственно стремиться к преодолению всевозможных препятствий, ибо таковое преодоление ведет к закаливанию человеческого воли и характера, что весьма необходимо в борьбе за светлое будущее. В случае неимения достаточных препятствий под рукою, человек ищет таковые в местах мало достигаемых, о чем свидетельствуют нам жизнь и труды людей, включенных в список великих путешественников (Нансен, Лингвистон, Амундсен и др.).

Учитывая, с одной стороны, указанную потребность и недостаточность малодостигаемых мест — с другой, многие учреждения, идя навстречу запросам широкой массы, издавна установили у себя так называемый бюрократический порядок, против коего вы необдуманно возражаете. Названный порядок в учреждениях предоставляет широким кругам населения возможность испытывать все виды переживаний и впечатлений любого опасного и трудного путешествия в дикие, некультурные местности. Только благодаря наличию бюрократизма в наших учреждениях всем гражданам доступно преодоление нижеследующих препятствий, вполне сходных с препятствиями, встречаемыми при путешествии к северному полюсу или в дебри Африки:

§ 1. Переплытие морей и океанов, хотя бы и чернильных.

§ 2. Перепрыгивание через пропасти затерянной переписки.

§ 3. Восхождение на горные хребты бумаг и циркуляров.

§ 4. Блуждание в дебрях отчетности.

§ 5. Испытание резкой смены жары и холода при заполнении анкет.

§ 6. Встречи с дикими племенами и зверями, в изобилии населяющими учреждения.

§ 7. Совершение длительных переходов в безводной местности от одного стола к другому.

И т. д., и т. п.

Преодоление всех этих вышеизложенных препятствий закаливает волю, вырабатывает характер и укрепляет силы у трудящихся. Уничтожив бюрократизм, вы, тем самым, уничтожите и могучие факторы благотельного воспитания масс. Примером того, сколь пагубно влияет на качество населения отсутствие бюрократизма, служит нам деятельность таких не бюрократических учреждений, как всем известные пивные. Входя в пивную, каждый посетитель сразу находит нужного человека, который легко и быстро может разрешить возбужденное ходатайство. Не прибегая даже к регистрации входящего гражданина, сей человек безо всякой волокиты приволокет все, что посетитель укажет в своей требовательной ведомости, изложенной к тому же в устной форме. При этом организационная распущенность доходит до того, что все предоставляемые посетителю продукты отпускаются всегда в краткосрочный кредит, так как платить за них посетитель обязан только после того, как он их употребил. В добавление ко всему этому необходимо еще отметить разнеживающую обстановку сих учреждений, прибегающих к упительной музыке и песнопениям. В конце концов, посетителя, закончившего здесь свое дело, буквально выносят на руках. Таким образом, благодаря отсутствию бюрократизма в указанных учреждениях, лица, имеющие с ними дело, расслабляют свой характер, чувствуют упадок сил и неспособность идти вперед к светлому будущему.

Исходя из всего изложенного я, со своей стороны, полагаю бы более целесообразным и соответственным нуждам населения вопрос о борьбе с бюрократизмом считать поставленным преждевременно и нуждающимся в предварительной разработке и согласовании в особой комиссии из представителей всех заинтересованных ведомств.

Подлинное за надлежащим подписом.

«РЕЗОЛЮЦИЯ КРОКОДИЛА»:—И делу, товарищи!

Б. Самсонов.

В 10 часов и 15 минут он вышел из учреждения со всеми нужными ему справками.

— Почему так быстро? — спросит читатель. — В чем дело?

Ответ простой:—ДЕЛО В КАЛЕНДАРЕ!

БЮРОКРАТ РАСЧУВСТВОВАЛСЯ

Многие считают бюрократов бесчувственными иступанами. Это не совсем так. Они бесчувственны только тогда, когда дело идет о расходовании казенных денег или об интересах населения. В своих же личных делах бюрократы весьма чувствительная публика. Так:

Торговый агент Внешторга в г. Кульдже Хиль-Хилевский командировал курьера агентства гр. Эстерейна в Хоргосс для встречи своей супруги, следовавшей к Хиль-Хилевскому из Москвы, с уплатой, конечно, суточных и прогонных за казенный счет.

Вот, видите, какая чувствительность! За такие нежные чувства к супруге следует и самому Хиле-Хилевскому дать если не совсем уж прогонные, то, во всяком случае, какое-нибудь предупреждение.

Товарищи читатели!

ПРИСЫЛАЙТЕ НАМ
МАТЕРИАЛ ДЛЯ ОТДЕЛА

ВИЛЫ В БОК!

Я БОЮСЬ ЕГО...

(Отчаянное признание).

Если кто-нибудь спросит меня наедине, в упор, с глазу на глаз:

— Скажите честно, как вы относитесь к бюрократизму?

Я отвечаю смущенно, робко и тихо:

— Боюсь... Очень боюсь, боюсь глупо, по-детски, с дрожью в ногах и с замираньем сердца. Всю жизнь боялся и сейчас боюсь.

Мне совестно, неловко и стыдно. Смейтесь надо мной, называйте меня мягкотелым обывателем, несознательным элементом, трусом, — как угодно. Я повторю совершенно серьезно и искренно:

— Боюсь!

Каждая бумажка с узаконенной печатью и подписью, предлагающая мне явиться куда-бы то ни было на предмет чего бы то ни было, — повергает меня в трепет и уныние. И стоит мне переступить порог звывшего меня учреждения, — как сердце мое падает, руки холодеют и горло пересыхает. Я — боюсь.

Я — вполне взрослый человек, я — честный гражданин Советского Союза, — ни в чем предосудительном не замешан, под судом и следствием не был. Все налоги и сборы плачу аккуратно, профсоюзные взносы задерживаю не дольше других. Подчиняюсь всем правилам центральной и местной власти, хожу по правой стороне и даже при случае бросаю окурки в урну, а не просто куда попало. Профессия у меня вполне легальная и приличная: я не взламываю замков, не раскраиваю народных денег, не печатаю фальшивой монеты, — я просто пишу фельетоны и рассказы.

И все-таки... я боюсь! Едва за мной захлопывается дверь учреждения, — я перестаю быть самим собой. Я уже не прежний, я уже не полноправный гражданин, не личность, я — входящий номер, я — грешник, пришедший получить свое возмездие, я — кролик в клетке со львами, я — пленный раб во дворце всемогущего владыки, имя которому — Бюрократизм. Невольно гнется спина, движения делаются робкими, идешь на цыпочках, и лицо расплывается в гаденькую, заискивающую, просительную улыбочку. Идешь по коридору, поднимаешься по лестнице, — и видишь вокруг таких же обреченных, как ты. Они идут или с видом побитой собаки, или с видом собаки не только побитой, но и обласканной.

Владыка Бюрократизм может и обласкать, но, конечно, не всех и не сразу.

И когда ты идешь к нему на поклон, — надо быть готовым ко всему. Забудь обо всех своих делах и занятиях, — здесь никому нет дела до них. Не говори, не убеждай, не упрасивай, — здесь не место простым человеческим словам. Бумага — с подписью и печатью, — вот единственный дар, который принимает владыка Бюрократизм и то лишь с девяти до трех. Поэтому, запасись бумагами: пусть они удостоверят, что ты — действительно ты, пусть они говорят, а ты молчи, терпи и жди...

Когда я вхожу в святое святых бюрократизма, — в канцелярию, я готов ко всему. У меня такое чувство, как будто сейчас меня могут сбить с ног, ударить мокрым полотенцем по лицу, напасть на меня из-за угла, — вообще, сделать со мной что угодно.

И вот странно: за столами и за барьерчиками сидят люди, — обычные Ивановы Ивановичи и Марьи Петровны, — но теперь они уже не те, которые встречаются на улице, в кино или в трамвае. Нет! Здесь они —

слуги великого владыки Бюрократизма, неумолимые, жестокие, непреклонные. И та самая Марья Петровна, которая только вчера в магазине Моссельпрома не прочь была сделать мне глазки, — теперь смотрит сквозь меня глазами пустыми и безжалостными, — и я боюсь ее.

Я готов ко всему. Безусый мальчишка-регистратор может накричать на меня, — и я же буду перед ним извиняться. Вертлявая девица за барьером может целый час обдавать меня молчаливым презрением, не отвечая на мои вопросы. Делопроизводитель может затопать на меня ногами, курьер может толкнуть меня и сбить с ног, уборщица может засыпать мои ноги окурками и мелким мусором. Я буду улыбаться робко и покорно, потому что я знаю всю силу владыки Бюрократизма.

Я знаю, что с меня могут взять штраф за то, что три года тому назад, я не представил куда-то какой-то бумажки. Я знаю, что нужную мне справку мне могут не выдать. Знаю, что с меня могут потребовать свидетельство об оспоривании или о внесении собачьего налога, хотя я сроду не держал собак.

Я — не трус. Я не раз встречал опасность лицом к лицу, в открытом бою. Но, вступая во владения владыки Бюрократизма, я беспомощен, как дитя. Его слуги сидят везде — в домоуправлении, в милиции, в финотделе, в канцелярии амбулатории, в суде, в любом учреждении. Их оружие — чернила и бумага, их крепость — печать и подпись. Они все горой стоят друг за друга в общей преданности своему владыке — Бюрократизму. Они не выдают друг друга.

Я пробовал бороться. Писал полные яда фельетоны, ругал моего врага в стихах и в прозе, издевался, насмехался, уговаривал, увещевал, — все напрасно. Владыка Бюрократизм — попрежнему велик и могуч, и я попрежнему боюсь его.

И, может быть, завтра же, прочитав это мое признание, владыка-Бюрократизм рассердится и направит на меня своих верных слуг. И они потребуют от меня бумажки о том, что я не женщина, и о том, что у моего деда были белокурые волосы.

А когда я не смогу представить этих бумажек, — они раздавят меня канцелярским прессом и будут употреблять в качестве закладки для исходящего журнала.

Кто знает? Пути владыки Бюрократизма неисповедимы.

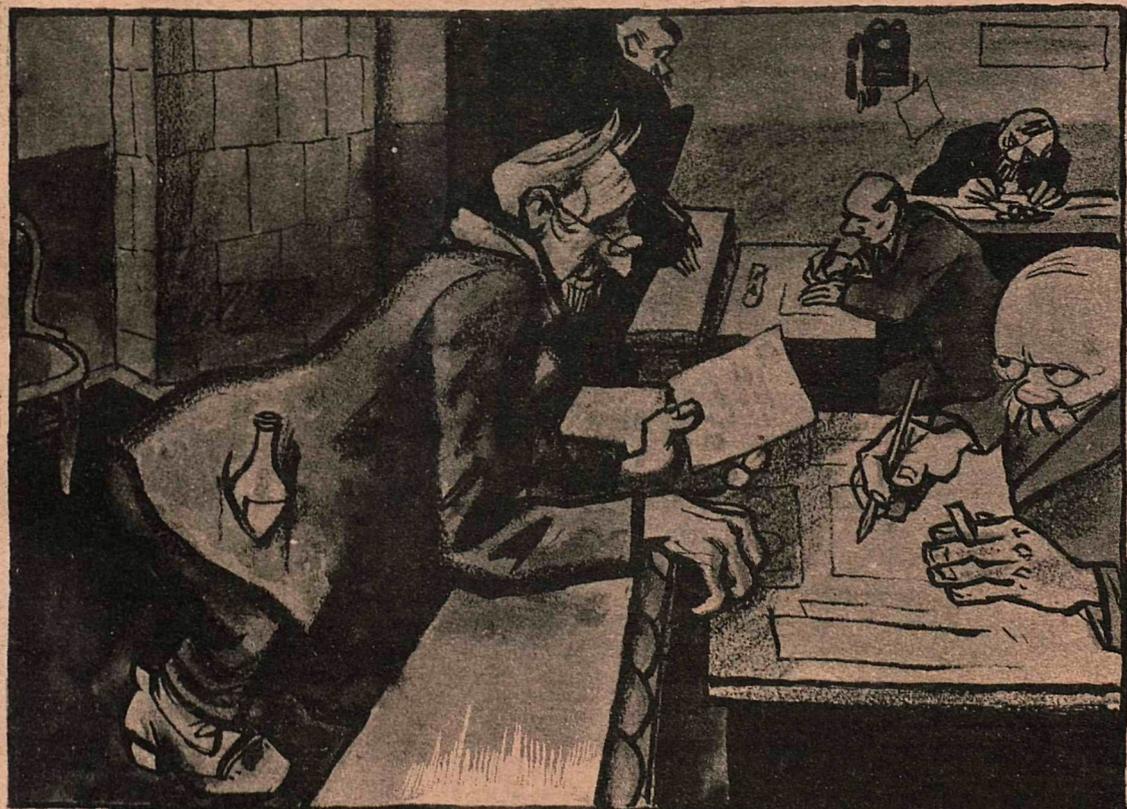
Вас. Лебедев-Кумач.

ЖИВЫЕ МЕРТВЕЦЫ

(В СТРАЖКАССЕ).

Рис. Ив. Малютина

— Товарищ, мне необходимо получить пособие по случаю моей смерти.
— Ка-ак?! Ведь, вы же живы?!
— Да! Но у меня есть удостоверение о моей смерти!
— А... Ну, раз есть удостоверение — тогда другое дело!.. Так бы и говорили!

Издательство „Рабочей Газеты“ — Москва, Тверская, 3.

Главлит № 75196.

Типография „Рабочей Газеты“, Москва, Сушевский вал, д. 63.

ТЕМНОЕ ДЕЛО

В Саратовской конторе Хлебопродукта отмечен весьма типичный случай бюрократического гонимостя.

Администрация Хлебопродукта в целях режима экономии обрезала электрические провода в рабочих квартирах.

А, ведь, пожалуй, эти головоуны, погрузившие во тьму квартиры рабочих, считают себя строителями светлого будущего?

ХОРОШО ОТДЕЛАЛСЯ

Президиум Ушаковского сельсовета, Лукояновского уезда, составил такой опросный листок о самоубийце:

- 1) Фамилия, имя и отчество — Хиллов Павел.
- 2) Пол — мужской.
- 3) Возраст — 6 лет.
- 9) Семейное положение — холост.
- 11) Постоянная профессия до революции — не был рожден.
- 12) Причина самоубийства — неумение плавать и невольное утопление за ненахождением вблизи взрослых.

Всех пунктов в этом листке 19.

А если бы спасли мальчика, то ему было бы задано не 19 вопросов, а самое меньшее 119. И что бы он ответил на такой, скажем, вопрос:

— Занимались ли вы самоубийством до Октябрьской революции, и если нет, то почему?

Все равно, так или иначе, погиб бы!

Ответственный редактор Н. И. Смирнов.

Тираж 175.000.

КРОКОДИЛ

ГОД ИЗДАНИЯ ШЕСТОЙ

МОСКВА,
ЯНВАРЬ 1927 г.

Цена 15 коп.

Рис. Ю. Ганфа

В ЧЕРНИЛЬНОЙ БЕЗДНЕ

- Спасите! Утопаю!!!
- А заявление на предмет спасения у вас есть?
- Караул!!! Есть!
- Удостоверение, действительно, имеется. А где же гербовый сбор? И справочка от домоуправления?..